

ПЕРВАЯ запись в военных дневниках Константина Симонова сделана 21 июня 1941 года, последняя — 10 мая 1945 года. Все четыре года войны, день за днем, лишь с небольшими пропусками, которые, по признанию автора, были вызваны тем, что на дневник «порой не хватало времени», а помимо того, и «душевных сил». Признание о нехватке душевных сил весьма примечательно в плане чисто человеческого: сердцу хоть на чуточку хотелось оторваться от огневых смерчей, от крови, страданий, хоть ненадолго «уйти в отпуск».

Столь большое внимание к дневнику у Симонова проистекало из убеждения, о котором он весьма определенно сказал в ту военную пору в ответах на вопросы Американского Телеграфного Агентства. «Что касается писателей, — читаем мы в этих ответах, — то, по моему мнению, сразу же как кончится война им нужно будет привести в порядок свои дневники. Что бы они ни писали во время войны и как бы их за это ни хвалили читатели, все равно на первый же день после окончания войны самым существенным, что они сделали на войне за войну, окажутся именно их дневники».

Не стану вступать в спор с этим высказыванием, замечу лишь, что оно, на мой взгляд, несколько преувеличивает значение дневника. Мы увидим это, и обратившись к дневникам самого Симонова, когда соотнесем их с тем, что было им сделано «на войне за войну»: сотни корреспонденций и очерков в газетах (они составили 4 тома «От Черного до Баренцова моря»), два поэтических сборника с такими непреходящего значения стихотворениями, как «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...», «Жди меня...», «Убей его!», три пьесы, повесть «Дни и ночи»...

Этой «маленькой полемикой» я, разумеется, не хочу даже в малой степени умалять «Разные дни войны» — произведение значительное и чрезвычайно интересное. Жил человек-воин, и одной жизнью с ним жил автор «Разных дней войны» — журналист, писатель. Жил все двадцать четыре часа в сутки, когда главной заботой каждого была забота о разгроме врага, а самой большой болью — боль народа и Родины, когда и во сне люди не переставали думать о победе. Многообразные чувства и мысли людей в шинелях, да и не только в шинелях (многие страницы дневника посвящены изображению героической работы тыла), беру на себя смелость сказать — чувств народа, переданы автором «Разных дней войны» правдиво, реалистично.

Дневник К. Симонова писательский и написан в жанре синтетическом: на страницах книги, помимо оперативной информации о событиях, очерков, зарисовок, стихотворений, находишь и то, что следует назвать заготовками впрок, — здесь и прототипы героев будущих произведений, и сюжеты, и полужакоченные, а то и почти законченные новеллы. Перед читателем как бы раскрывается творче-

ская лаборатория художника, раскрывается весьма обстоятельно, но об этом я могу сейчас только упомянуть, а основное внимание сосредоточу на другом аспекте, имеющем звучание более широкое — человек на войне.

Своеобразие жанра дневника состоит, как известно, и в том, что личности автора здесь принадлежит особая роль: он не только имеет право на активное самовыражение, но и не может не выражать себя и в процессе изображения события, очевидцем или участником которого был, и в многосторонней интерпретации события, прежде всего — интерпретации нравственной. Это принципиальное общее в большой мере распространяется и на частное — на личность автора «Разных дней войны».

Нет необходимости сколько-нибудь подробно говорить о том, что делал и как вел себя на войне Константин Симонов, корреспондент «Красной звезды», — об этом достаточно извест-

ных корреспонденций писателя, были и его художественные произведения, в частности повесть «Пантелеев», действие которой разворачивается в течение одного дня. Кто-то из критиков находил в ней чрезмерное сгущение красок в изображении временных неудач наших войск. Не имея намерения возвращаться к давнему спору: кто прав — автор повести или же ее критики, хочу заметить, что, прочитав страницы дневника, послужившие истоками замысла «Пантелеева», все сойдется во мне — да, так было. Так было на Арабатской Стрелке — автор точно указывает день, сопровождая описание его следующей ремаркой: «Мне вспомнились разные дни, проведенные на войне. За исключением самых первых, этот, пожалуй, был печальнее всех» (подчеркнуто мною. — И. К.). Писатель передает картину дня почти с почасовой записью событий, называет людей, повинных в обстановке неорганизованности и утрате

ДНИ И НОЧИ ВОЙНЫ

По страницам военных дневников Константина Симонова

но. Но стоит, пожалуй, отметить стремление Симонова быть во время поездок на фронт не дальше от огня, а ближе к огню. Пребывание в осажденной Одессе, плавание в Черном море на подводной лодке для выполнения боевого задания, поход с разведчиками в тыл врага в Заполярье — такое в строгом смысле могло и не входить в прямые обязанности корреспондента центральной газеты, материал можно было получить и другим путем. Но без всего этого труднее было бы добыть ту правду о войне, писать которую — творческий принцип Симонова.

Хемингуэй как-то заметил, что писателю добывать правду о войне непросто — могут убить. Такая участь легко могла постигнуть и Симонова, боязнь погибнуть возникала у него не однажды, о ней говорит он сам, причем говорит откровенно и искренне. Позволю себе процитировать из собственных признаний писателя — это не отдаляет его от читателя, а приближает, как приближает всякое честное, человеческое. Спустя несколько месяцев после разгрома гитлеровской Германии Симонов писал американскому издателю повести «Дни и ночи»: «Война окончилась, и теперь уже можно сказать, что профессия военного корреспондента была в общем нелегкой. Во мне всю войну боролось два чувства: желание увидеть все своими глазами, чтобы потом, после войны, написать об этом как следует, и боязнь быть убитым, и как следствие этого невозможность написать об увиденном».

Высказанный мною тезис об авторском кредо Симонова писать правду имеет в «Разных днях войны» выражение более широкое, я даже сказал бы, всеобъемлющее. Это и соответствующее истолкование событий войны, особенно первого ее периода. По-разному представлялась в свое время правда той поры разным писателям. В изображении 1941 года проявились, в частности, две крайности. Одна — густой замес наших неудач, отступление Советской Армии до полей Подмосковья, и только; другая — полное игнорирование неудач, поражений. Ни за одной из этих крайностей не признает настоящей правды автор дневника. Его «искомое» и не та «золотая середина», что в ремесленной литературе достигается чаще всего способом так называемой дозировки. Оно, это искомое, — следствие верной писательской и гражданской позиции. Сдается мне, что наиболее подходящим ключом к истолкованию правды войны в «Разных днях войны» являются слова самого К. Симонова, сказанные им о фронтовой прозе Александра Твардовского: «Из фронтовых записей Твардовского возникает жесткое ощущение войны, чувствуешь его проникновение в беспощадность самого ее механизма, его бестрепетное понимание места личности в истории и места истории в жизни личности на войне».

Позиция автора дневника: не улучшать, не ухудшать того, что было, а объяснять, почему было так, почему стало иначе. Я говорю о дневнике как он есть. Но тут не обойтись без некоторого пояснения. Предтечами симоновского дневника, помимо фронто-

боев способности батальона, подтверждая это неоспоримыми документами военного архива. Не впадает он и в апологетику члена Военного совета армии Николаева (вероятно, прототипа литературного героя Пантелеева), который железной рукой наводил порядок в том батальоне и полку.

«Почему было так, почему стало иначе» — этот принцип исследования пронизывает «Разные дни...», особенно первый том, запечатлевший наиболее сложный и трагический период войны. Мотив исследования сказан и на архитектуронике дневника. В записях нередко встречаешь взгляды на одно и то же явление как бы двух людей — автора той, военной поры и сегодняшнего. За плечами сегодняшнего — большой жизненный опыт, более мудрый взгляд на вещи, и иногда сегодняшний поправляет того, давнего. Но только иногда, чаще же дополняет и углубляет. В таких случаях писатель порой также обращается к архивным документам, вводит читателя в курс послевоенных судеб людей.

Обращается Симонов к документам и тогда, когда ведет полемику, или же в намерении расширить историко-политический и историко-военный фон повествования. В полемике он чаще всего открыто публицистичен, но, обретая публицистическую остроту, дневник теряет в занимательности, а занимательность в литературе, как известно, — дело отнюдь не последнее.

Разные дни войны... Разные не только по событиям, но и по настрою человеческих душ. Читая дневник, хорошо чувствуешь, как меняется он, этот душевный настрой людей, от года к году. Щемящая боль отступления сорок первого, горе расставания с землей отцов и дедов, своей, исконно русской землей, уступают постепенно место радостной надежде на возвращение в родные края, обретение потерянного крова. Оно, это чувство, пробивается сквозь горе, как луч солнца сквозь свинцовые тучи. Еще и в 43-м, и в 44-м разрывалось солдатское сердце от страшных картин разрушенных фашистами городов, от испепеленных сел, страданий обездоленных и сирот. И Симонов не был бы Симоновым, если бы обходил это, под впечатлением военных успехов перешел бы целиком на тона мажорные. Однако пламя победы разгоралось все ярче, уверенность в полном разгроме врага обрела силу нерушимой веры, и вера эта питала собою тот социальный и исторический оптимизм, который всегда был присущ советскому человеку.

Движение человеческой души через годы войны выражено в «Разных днях...» и содержанием дневниковых записей, и их тональностью, в которых тем ближе к логову врага, тем чаще встречаешь и улыбку, и юмор, и шутку...

...Дневник Константина Симонова как бы проводит читателя по многотрудным огненным дорогам войны, заставляет пережить трагедию и героизм тех лет, огутить гордость за то неопеченно великое, что сделала наша Родина в разгроме гитлеризма, в завоевании мира на земле, боевым знаменосцем которого она выступает и ныне.

М. КОЗЛОВ

Константин Симонов. «Разные дни войны». Дневник писателя. Том 1, 1941 год. Том 2, 1942 — 1945 годы. Издательство «Молодая гвардия». М. 1977.